

Янина Логвин

НЕНАВИСТНАЯ

Жена

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Янина Логвин

Ненавистная жена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68803770

SelfPub; 2023

Аннотация

Я для него Мышь – нелюбимая и нежеланная жена. Он для меня – настоящее, из которого я обязательно вырвусь!***Еще вчера Ярослав Борзов не мог меня выносить. Лучший боец миксфайта по прозвищу Ярый, одна только мысль, что его связал со мной долг, ломала ему душу, оголяя неприкрытую злость. Так что же изменилось сейчас? Неужели то, что он узнал, я прятала от него свои секреты?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Янина Логвин

Ненавистная жена

Пролог

– Не смей, Ярый! Нет!

Он наступает неотвратимо, ослепленный желанием и своей властью надо мной. Надвигается медленно, загоняя в угол и не давая возможности сбежать. Лишая воздуха одним своим присутствием и горящим черным взглядом.

– Не смей, слышишь? Не подходи! – я отступаю и спотыкаюсь. Упираюсь руками о стол, понимая, что бежать некуда. Что в этом доме он хозяин, и мы тут одни.

– Брось, Марина. Ты еще не поняла? Я всегда получаю желаемое, и ты не станешь исключением.

– Но не меня! Меня ты не получишь!

– Ты моя жена!

– Ненавистная! – кидаю ему в лицо, но голос глохнет, а сердце, кажется, стучит в горле, когда выдыхаю дрожащими губами то, что известно нам двоим:

– Ты не любишь меня... Мышь, вот кто я для тебя. Ненавистная жена!

На голых плечах бугрятся стальные мускулы, черных глаз касается похоть, а выпуклость на штанах прямо говорит, что

ему от меня нужно.

Но это невозможно... Невозможно!

Еще вчера Ярослав Борзов не мог меня выносить. Одна только мысль, что его связал со мной долг, ломала его душу, оголяя неприкрытую злость. Так что же изменилось сейчас?

Неужели то, что он узнал, я прятала от него свою внешность?

Нет, не верю. Своих шлюх он от меня не прятал. И отношение ко мне – тоже.

Шаг, еще один. Расстояния не остается, и я вскрикиваю: – Уйди! – ищу спасения от своего монстра... и не нахожу. Последний шаг, и у меня больше не осталось свободы.

Его руки сильные и горячие – такие же опаляюще-властные, как взгляд. Они касаются моих бедер, яростно сжимают на них платье, и меня мгновенно пронзает боль.

Нет, не боль. Желание! Такое болезненно-острое и внезапное, что я распахиваю глаза, не способная сказать ни слова. Не способная сопротивляться мужчине, который прижимает меня собой к столу, как яростный зверь добычу.

Без лишних предисловий рванув с плеча платье, он обхватывает смуглыми пальцами белую грудь, трет сосок, который моментально твердеет. Склоняет голову к моему виску и шепчет:

– Не люблю. Я не люблю тебя, Мышь! Но, клянусь, мы оба заплатим цену за клетку, в которую нас загнал твой отец. Иначе не будет!

Глава 1

Ярослав

В своем разговоре со мной Павел Корнеев был собран и предельно честен.

Мы сидели в его кабинете, в загородном имении самого влиятельного человека города, куда меня привезли его ребята, и смотрели друг другу в глаза.

– Прошло три года, Павел Юрьевич, но я ничего не забыл. Если пришло время вернуть долг – я согласен, будь это деньги или моя жизнь. Только скажите. Я никогда не скрывал, что жалею о случившемся, но вернуть Кирилла не могу.

Я вспомнил о мертвом сыне Корнеева, погибшем три года назад, однако тонкая сигарета в руке его отца – худого мужчины со стальным цветом глаз и волос, даже не дрогнула.

– Не пытайся меня оскорбить, мальчишка, если хочешь уйти отсюда на своих двоих, – услышал ровный ответ. – Мне не нужны деньги.

Я сильно рисковал, но молчать было еще хуже.

– Значит, вам нужна моя жизнь?

Высокий мужчина встал из кресла и подошел к окну, разглядывая сквозь тонкий тюль широкий двор, залитый солнцем.

– Я никогда не винил тебя в смерти сына, но это не значит, что простил, – отозвался холодно. – Он умер по твоей вине,

и я этого не забыл.

Я тоже, хотя никогда не просил сопляка Кирилла выбирать мое общество, но в тот вечер в клубе именно мне предназначалась пуля, и именно за мной велась охота. Кирилл был моим фанатом и таскался где-то рядом, сыпал деньгами, вкладывая в мои бои крупные суммы, и я никогда не задавался вопросом, где он их брал. Только после его смерти, когда парни Корнеева, взяв меня на прицел и избив, бросили подыхать в канаве за городом, я узнал, кто его отец.

Именно он, хозяин города, вдруг приказал оставить меня в живых, собственноручно вытащив из грязи и сообщив, что однажды я верну ему долг. И вот этот час настал.

Когда черный мерседес-кубик подъехал к моему дому и трижды просигналил, я оделся, вышел со двора и сел в автомобиль. Не проронил ни слова, пока не оказался на ковре перед Корнеевым.

– Я знаю.

Он оглянулся на меня и сузил взгляд.

– Как ты считаешь, мой сын был хорошим человеком?

Вопрос удивил. Как я считал? Только чудом ни один мускул на моем лице не дрогнул.

Откровенно говоря, он был дерьмом не лучше меня, но ведь отцу так просто истину в лицо не скажешь?

Да он и сам все знал. Не мог не знать.

Последний год Кирилл нюхал героин и не стеснялся тас-

катся по гей-клубам. Мы не раз участвовали в совместных оргиях с фанатками, но я слышал, что он не брезговал и парнями. Ходила одна совсем гнилая история с его участием, но мне и собственного дерьма хватало за уши, чтобы копаться в чужом.

– Молчишь, Ярый? Боишься расстроить старика?

Старику было лет шестьдесят, и он походил на сухой, но жилистый хлыст, способный кого угодно рассечь надвое.

– Нет, просто не думаю, что мой ответ вам понравится.

Мужчина кивнул, вернулся к столу и затушил сигарету. Взяв в руки хрустальный графин, разлил водку в лафитные рюмки и подвинул мне тарелку с закусками.

– Пей, – приказал. – Помянем душу Кирилла. Моего единственного сына, которого я потерял, когда он еще был жив.

Мы выпили – я полностью, а Корнеев лишь пригубил и не отрывал от меня внимательного взгляда, пока я закусывал напиток лимоном.

Он ждал, я тоже не спешил задавать вопросы. Не в моем праве было торопить хозяина дома с разговором. Здесь я был гостем, с которым пока считались.

Но это пока. Я не питал иллюзий насчет того, что все может поменяться в одну секунду.

Интересно, изменилась бы моя участь три года назад, не будь мы давно знакомы? Я не раз возвращался мыслями к той ночи и всякий раз не находил ответ.

– Я помню тебя совсем мальчишкой, Ярослав, – не ожи-

данно начал мужчина, словно наши мысли ментально пересеклись. – Тебе было одиннадцать, когда твоя тетка привезла тебя к деду и оставила. У тебя не было ничего, кроме ссадин на упрямом подбородке, соплей, намотанных на кулак, старых джинсов и рюкзака, но уже тогда ты был умен и дерзок. В твоих глазах можно было прочесть многое... – Корнев помолчал. – Тогда ты еще не умел скрывать эмоции, как научился сейчас.

Ш-шух! Я мгновенно вернулся в прошлое. Рухнул в него, словно невидимая рука ударила в грудь и швырнула меня спиной в смердящую топь – ненавистную и ледяную. Скрытую от чужих глаз сегодняшним благополучием, которое я зубами вырвал у жизни, но прошлого не забыл.

Одинокое детство, бедная глубинка, жизнь с нелюбимой теткой и, наконец, точка невозврата – первая серьезная драка с ее новым мужем, который вдруг решил кулаками научить мальчика, как правильно разговаривать со старшими.

Я был слабее его – сорокалетнего мужика, но точно не трусливее. Пробовал молчать, но пьяные тычки и насмешки «родителя» мало помогали делу. Тогда я сломал о мужика табуретку и выпрыгнул с балкона второго этажа. Угнал его машину – старый немецкий седан, и проехал всего пару километров, пока на скорости не слетел в овраг, только чудом отделавшись ссадинами.

Дальше была ночь в полицейском приемнике, зареванная тетка, привычно отвесившая оплеуху и обматерившая, до-

рога в большой город, и незнакомый еще нестарый человек, открывший дверь чужой квартиры.

Я не был уверен, что он мой дед. Он, скорее всего, тоже, но анализ на родство крови делать не стал. И не прогнал. Все документы на меня ему помог оформить его хозяин, у которого дед работал водителем – Корнеев Павел Юрьевич. Вот о том дне, когда дед привел меня за ухо сказать спасибо «большому человеку», мужчина передо мной и вспомнил...

Я ничего не знал о личной жизни Корнеева. Для всех она была за семью замками. В последующие годы видел его всего несколько раз, но дед не однажды настойчиво повторял, кому я обязан жизнью в этом городе, и я запомнил.

Да, сейчас, к своим двадцати восьми годам, я научился куда лучше владеть собой, разбираться в намеках и непроизнесенных словах, и прекрасно все понял.

Прямо сейчас хозяин дома еще раз дал мне понять, чем я ему обязан. И показал, что многим, если не всем!

Так какого черта он от меня хочет? Быстрее бы уже сказал. Ведь понимает, что я не стану изворачиваться, и не побегу отсюда, как крыса! Не скроюсь за границей, иначе давно бы это сделал.

– Я все помню, Павел Юрьевич, – подтвердил его слова. – Все, поэтому я здесь.

Мне показалось, или мужчина с облегчением выдохнул? Не показалось. Взявшись рукой за графин, он снова наполнил водкой рюмки до края и кивнул:

– Это хорошо, Ярослав, потому что у меня к тебе предложение. Личное. И касается оно моей семьи. – Корнеев прищурил взгляд и остро сверкнул стальными глазами. – Но, само собой, когда обо всем узнаешь, ты можешь отказаться.

Ха! Он меня за идиота держит? Или проверяет?

Нет, скорее всего набрасывает удавку. Черта с два у меня есть это «само собой».

– Я согласен вам помочь. Сделаю все, что в моих силах.

– И даже не спросишь, что именно мне от тебя нужно?

Я не должен был спрашивать, не затем меня сюда доставили. Да, в городе меня знали многие и многих знал я, но перед лицом Корнеева мы все были пешками.

Я должен был ответить верно, и мой голос не дрогнул:

– Нет.

– Хорошо. – Корнеев снова сел в кресло и закурил. Чиркнул по старинке спичкой в тонких узловатых пальцах, зажигая сигарету. – Тогда перейдем сразу к делу, – сказал, разогнав дым, и очень аккуратно опустил спичку в фарфоровую пепельницу. – Как ты уже знаешь, Ярослав, мой единственный сын погиб и других мужчин-наследников у меня нет. Я очень богатый человек, но, к сожалению, немолодой, и кое-кто из моих недругов уже стал поговаривать о том, что скоро моему влиянию в этом городе придет конец.

Мужчина ухмыльнулся. Мне вдруг тоже под его взглядом захотелось курить, но я не посмел перебить рассказ.

– Да, я не молод, – продолжил Корнеев, – но списывать меня со счета пока рано. Я всегда был склонен верить слухам, и такое положение дел допустить не могу. Мне нужен наследник, и он у меня есть. Точнее, она – дочь. Но прежде, чем об этом узнают в городе, мой отцовский долг ее защитить.

Ого, вот это поворот. Когда умер Кирилл, все говорили о том, что Стальной Босс остался на этом свете один с женой и без детей. Насколько я помнил, о дочери Корнеева никто не слышал. Так ему нужен телохранитель для наследницы?..

Вот черт! Это ставило крест на моей профессиональной карьере бойца миксфайта, звезды ринга боев без правил.

Эта перспектива лишь мелькнула в сознании, а холод уже затопил душу. Кто знает, что было легче – сдохнуть в луже три года назад, или стать управляемой марионеткой какой-то девчонки?

– Да, не удивляйся, – вновь не удалось мне скрыть мысли от пронизательного взгляда хозяина дома. – До недавнего времени никто о Марине не знал. Буду с тобой честен, Ярослав, я сам двадцать лет отрицал факт ее существования, и только когда умер Кирилл, нашел ее мать и убедился, что когда-то она мне не соврала. Для этого пришлось сделать необходимые тесты, все без согласия и сознательного участия Марины, но факт – я появился в ее жизни и заставил меня принять. И тут, мой мальчик, мы подобрались к кое-чему весьма болезненному для меня...

Прежде чем продолжить разговор, Корнеев докурил. Коротким знаком предложил еще водки, но я отказался – никогда не любил алкоголь. Да и на этот раз мужчина скорее меня проверял, чем предлагал. Водка в графине была отменная, из тех премиальных сортов, которые появляются на редких столах, легко хмелят голову и так же легко отпускают, но ему был нужен я и мое внимание.

– Моя дочь меня ненавидит, но она крайне сдержанный человек, чтобы демонстрировать это дальше наших личных встреч. Достаточно того, что об этом знаю я, а теперь еще знаешь и ты. Все это тебе я рассказываю не просто так, а чтобы исключить недопонимание в скором времени, когда ты станешь членом моей семьи и...

Что? Я еще ничего конкретного не услышал, а догадка уже обожгла и ошеломила. Сердце протестующе рванулось и в горле мгновенно пересохло. Нет!

– ... мужем моей единственной дочери.

И сам не заметил, как оказался на ногах. Корнеев сидел, как струна, плечи напряглись.

Мы молчали целую минуту, в которую я понял, что ценю свою свободу намного больше, чем жизнь.

– Итак, Ярослав, мне продолжать? – спросил мужчина обманчиво-спокойным тоном. – Или наш разговор можно считать завершенным? Ты скажи, не вопрос. Я тут же попрошу своих ребят тебя проводить. Кстати, как там дед пожива-

ет? Давно я Данила у себя не видел, пора пригласить старого друга на чай – все же не чужой он мне человек.

На тот свет пригласить, вот что читалось в умных и острых глазах хозяина. Такие люди, как Корнеев, никому своей откровенности не прощают и не дарят просто так.

Если я сам еще и не был таким, то был близок к тому, чтобы стать. Глупо тешить себя иллюзиями, почему именно я здесь.

Я уже знал свой ответ, но вопрос все еще оставался в цене.

– Продолжайте, Павел Юрьевич, – заставил себя процедить сквозь зубы.

На немолодом лице мелькнула понимающая ухмылка. Этот человек был акулой, способной кому угодно перекусить хребет надвое.

– Правильное решение, моя мальчик. Я знал, что в тебе не ошибся. Но, пожалуй, пора озвучить свои условия. Начну с суммы приданного...

– Я не бедный человек!

– Неумный ответ, Ярослав. Очень поспешный и в этом твой недостаток. Ты слишком порывист, научись лучше владеть собой. Но сейчас не об этом. Меня не интересует твое материальное положение, мальчишка! Я лишь озвучиваю свое предложение.

Мужчина назвал сумму, и от ее размера у меня напряглись желваки и сцепились в кулаки пальцы. Черта с два я радовался! Я чувствовал себя молодым волком, которого заго-

няют в капкан, и в бессилии метался в стенах чужой клетки.

– ... у Марины есть настойчивое желание уехать за границу. Мне это не нужно и тебе тоже. Единственное мое условие – это чтобы моя дочь осталась здесь. Навсегда. Точка. Пока у меня получается ее удерживать в городе, но, боюсь, рычаг моего давления на нее не вечен, а о большем тебе знать рано. Если Марина захочет, сама все расскажет.

И еще. Я готов подождать, но мне нужны внуки. О верности и прочем – договаривайтесь сами, в ваши личные отношения лезть не стану. Хочешь свободы – живи, как считаешь нужным, но тогда и Марину не тронь. Не будет внуков, будет защита – я согласен и на это. В обществе должны знать, кому моя дочь принадлежит по закону – тебе, и кому принадлежишь ты. И запомни, Ярослав, никакого насилия. Ты парень горячий, поэтому я приставлю к ней охранника. И отзову его лишь тогда, когда дочь даст на это согласие. У тебя есть вопросы?

– Да.

– Спрашивай.

– Что она знает обо мне?

В стальных глазах на миг мелькнуло чувство, очень похожее на боль. На ту затаенную, непреходящую боль, что со временем не притупляется, и с которой учатся жить.

– Если ты имеешь в виду Кирилла – ничего. Ей не интересен ты сам, не интересно твое имя и твое прошлое. Конеч-

но, при нашем последнем разговоре я его озвучил, но зная Марину – уверен, она его даже не запомнила.

Это была пощечина и, взяв паузу, Корнеев в полной мере дал мне ее прочувствовать.

– Моя дочь не имеет никаких связей с городской элитой, она не сопливая девчонка, она серьезная молодая девушка, и вряд ли вообще о тебе слышала. Ваш брак – целиком мое решение, Ярослав, как и твоя кандидатура на роль мужа. Ты должен мне, мальчик, пришло время платить по счетам.

Мальчик..... твою мать! И еще одна пощечина достигла цели и больно ударила по гордости. Пожалуй, только деду я бы позволил так себя обозвать. Любого другого убил бы.

Вот только седовласый Корнеев был кем угодно, но не любым другим.

– Сколько Марине лет?

– Двадцать три. Она с отличием окончила университет и работает в фирме, никак не связанной с моим бизнесом. Ты, наверное, хочешь ее увидеть?

Я хотел? Я ни черта не хотел! Еще утром я собирался увидеться с Игорем – своим промоутером, и решить вопросы по будущему поединку, а точно не оказаться здесь и получить в жены незнакомку, которой настолько плевать на будущего мужа, что она даже не удосужилась запомнить его имя.

И которая в итоге оказалась такой же пешкой, как я.

Или Корнеев сошел с ума, выбрав меня, или он не хочет счастья своей дочери и мстит нам двоим. Потому что полю-

бить женщину я не смогу никогда, будь она хоть трижды дочерью хозяина города. Я всегда буду помнить, что каждая из них в душе такая же продажная сука, какой была моя мать. Я успел достаточно хорошо их изучить, чтобы узнать это наверняка.

Как только я сделал себе имя, они сами крутились рядом, предлагая себя, разница была лишь в цене. Но стоило сунуть пачку денег между ног и хорошо ею там потереть, как любая оказывалась готова отбросить стыд и дать взять себя, как я хочу. А хотел я часто и много. И точно не одну. Так что с верностью в моем случае мимо.

Старый идиот, вот кто сидел передо мной! Нашедший способ добиться своего!

– Да.

– Хорошо. Я дал Марине слово, что познакомлю вас только в день свадьбы, но так и быть, ты ее увидишь. Но прежде, Ярослав, я хочу еще кое-что прояснить для тебя. Я не так просто озвучил сумму приданного. Марина не девственница. Три года назад у нее уже была семья – познакомились и поженились студентами. Молодые, глупые, смелые... Увы, брак продлился недолго. Надеюсь, ты сможешь это принять. – Он подождал, внимательно вглядываясь в мое лицо. – Итак, я жду твой ответ.

Мой ответ мог быть только одним, и отцу моей будущей нелюбимой жены это было известно, как только я сюда вошел.

Одно хорошо, что девчонка не соплячка – нянчиться не надо. Кто знает, может, мы и сможем с ней договориться терпеть друг друга, раз уж нас к этому подвели силой.

– Я согласен, Павел Юрьевич. Когда... когда свадьба?

– Через две недели. Все будет скромно и без белого платья – еще одно условие дочери. Где вам жить – здесь право выбора я целиком оставляю за тобой. В вашем распоряжении этот дом и любая из моих квартир. Я готов предоставить необходимую информацию.

– Нет.

– Решать тебе, Ярослав. Мне осталось добавить к нашему разговору последнюю деталь.

– Слушаю.

Корнеев не спеша вынул из пачки новую сигарету и вставил ее в угол рта. Не разрывая стального взгляда, достал из дешевого спичечного коробка спичку, спокойным движением зажег огонь и замер.

– Как только моя дочь тебя бросит, Борзов... а если она бросит ... – его голос превратился в лед. – Я вспомню о Кирилле и никого не пощажу! Учти это, если надумаешь получить развод. Тот, кто предал слово, для меня хуже труса и не заслуживает жалости. Этот брак – твоя сделка с жизнью, мальчишка, но я постараюсь, чтобы ты остался доволен.

Прежде чем Корнеев склонил голову и подкурил сигарету, спичка почти догорела и огонь успел опалить его пальцы, но он этого даже не заметил.

– Макар! – затянувшись, громко позвал охранника, оставшегося за стеной. – Пригласи Марину. Скажи, что я просил ее зайти.

Ждать пришлось недолго – минут пять. Но в молчании, воцарившемся в кабинете, это время едва не задушило ожиданием. Под плоскими лучами солнца, лившимися в комнату сквозь большое окно, я ощутил, как взмокли виски и напряглась спина. Как протестующе забилась жила на шее – мой невидимый зверь не желал клонить голову и не мог принять поражения. Он готов был оскалить морду в любой момент, даже с удавкой долга на шее.

Я провел зубами по сухой нижней губе и выдохнул. Расправил плечи.

Корнеев прав, я для него порывист и непредсказуем. Управляемый им щенок, мордой хлебнувший дерьма. Но я молод, а он – стар, и однажды все должно измениться. Нужно просто лучше владеть собой.

Я ждал. К этому моменту хозяин дома уже все сказал и больше не намерен был развлекать меня интригой. Мы сверлили с Корнеевым друг друга взглядами, и все, что я мог сейчас сделать – это не позволить его стали прожечь собственную черноту, за которой скрывались мысли... и ярость.

Как легко было бы сейчас свернуть ему шею и обо всем забыть. О Ритке, о Савицком, и о Кирилле...

– Марина? Проходи.

Дверь кабинета открылась, и в комнату вошла девушка. Ее отец находился в кабинете не один, но она на меня даже не взглянула. Неслышной поступью прошла мимо и остановилась между нами.

Если бы я не знал, кто передо мной, то никогда бы не обратил на такую внимание.

Средний рост и прямая спина – вот, пожалуй, и все, что могло бы привлечь мужской взгляд. Длинное синее платье на узких плечах висело, словно на манекене балахон торговли. Что за дурацкий наряд? Светло-русые волосы стянуты на затылке в тугой узел, а бледные черты лица скрывали очки...

Твою мать! Чучело какое-то... Ни породы, ни статуса. И это родная дочь самого Павла Корнеева? Неужели за три года девчонку нельзя было привести в порядок? Мы же не на отшибе цивилизации живем. М-да уж, не удивительно, что он сам решил выдать ее замуж. Кто на такую посмотрит?

Скучная, серая, никакая. Хорошей же подарочек мне подсунил Босс. И он хочет внуков?

А вот голос у девчонки оказался на удивление приятным. Не высоким и визгливым, какие я терпеть не мог, а спокойным, с неожиданно-твердыми нотками, оправленными в бесцветность равнодушия.

– Вы звали меня, Павел Юрьевич? Мы виделись час назад, зачем я опять вам понадобилась?

Вот так новость. Она называет отца по имени-отчеству? Хотя Корнеев предупреждал, что его отношения с дочерью

оставляют желать лучшего, но все равно слух резануло.

А вот у Босса при виде дочери взгляд потеплел. И если я еще сомневался, правдивы ли его слова и на самом ли деле он ее принял, то теперь стало ясно – принял.

Седовласый хозяин дома не успел ответить. Внезапно в кармане платья девушки отозвался вызовом сотовый. И не думая откладывать разговор, она достала гаджет, выслушала речь звонившего, и ответила:

– Да, Максим, я получила весь материал по заказу и уже начала работать над дизайном. Нет, сегодня приехать не получится, но думаю, что уже вечером пришлю тебе первые скрины. Пожалуйста, предупреди заказчика, что он получит видео-обзор приложения сразу же, как только сделаем пробную версию. И не ставь меня в рамки, я этого не люблю. Что?.. Да, давай возьмем запас в пару недель. Думаю, справимся. Пока!.. Так зачем? – ровно обратилась к мужчине.

Она стояла ко мне боком, и при движении руки в глаза бросилось красивое тонкое запястье с нежной кожей, показавшееся из-под задёрнувшегося рукава... но тут же исчезло, словно его и не было.

Неужели она когда-то была замужем? Вот эта монашка, похожая на студентку-второкурсницу из фильмов шестидесятых? Спала с мужиком, подмахивая ему и выгибая зад?.. Твою мать, вот это я влип! Как же я представлю такую жену городу? Проведу с ней жизнь?

А впрочем, вряд ли хоть кто-нибудь из моих друзей, ко-

гда узнает, чья она дочь, этому удивится. Они удивятся другому – тому, что Ярослав Борзов продался. А когда узнают, за сколько (а Корнеев наверняка не смолчит), я сам стану не лучше дорогой шлюхи, услуги которой купили.

Злость опалила и бросила в жар. Будь проклят старый ублюдок, он специально повесил ее на меня! Но кое в чем все же просчитался. Я никогда не буду принадлежать этой девчонке. Никогда!

– ...Ярослав, ты все еще здесь?

Я не сразу понял, что седой мужчина обращается ко мне и с удивлением повернул к нему голову.

– Что?

– Я сказал, ты можешь быть свободен. Макар! Проводи гостя! И посмотри, чтобы он закрыл за собой дверь! В моем возрасте крайне опасны любые сквозняки... Ну, садись же, дорогая, у меня для тебя есть новость...

Новость?

Только чудом я не выбил перед собой дверь, когда уходил. Так меня еще не унижали.

Глава 2

Я ворвался в собственный дом, как дикий вихрь. В глазах потемнело. Меняхватило только на то, чтобы дойти до бара и достать водки. Глотнуть из горла несколько длинных глотков, не чувствуя горечи, прежде чем ярость вконец ослепила и утопила чувство контроля.

Да, я всегда был порывистым и нетерпимым. Наглым и смелым. Меня не за красивую морду прозвали Ярый и обходили стороной. Со мной считались. Но до сих пор у меня получалось себя обуздывать. Только на ринге я позволял внутренней силе овладевать телом в полной мере. Только глядя в глаза противнику, я мог быть собой. Однако сейчас цепи рвались из гнезд. К черту!

Не хочу быть другим. Не сейчас. Не здесь. Не тогда, когда стальные глаза продолжают стоять передо мной, а усталый голос Корнеева звучит в голове:

«...Ты все еще здесь? Можешь быть свободен...» Как какому-то сопляку.

«Достану и убью гада!»

Когда опускаешься в топь, мира не видно. Но так хочется на миг ослепнуть.

Бутылка с силой обрушилась на мебель и посыпались осколки...

Я крушил все, до чего мог дотянуться каменными кулака-

ми и локтями. Выплескивал волны злости, не произнося ни слова, глядя только перед собой...

«Убью!»

– Ярослав! Что ты делаешь?

«Сволочь»

– Ярослав, не надо!

«Придет время, за все отплачу!»

– Ярослав, перестань, ты же все здесь разнесешь! Успокойся, слышишь! Совсем рехнулся? Что скажет Данил, когда вернется, ты подумал?

Кусок зеркала оцарапал щеку, и я повернулся, тяжело дыша, уже зная, кого увижу за своей спиной.

Анжелка, охнув, подбежала ближе, но замерла, напоровшись на мой тихий, но опасный рык, вырвавшийся из груди:

– Это ты мне?

Жена деда. На тридцать пять лет его моложе.

Когда она появилась в нашем доме, мне было семнадцать, а ей двадцать восемь. Высокая, крепкая, грудастая и готовая на все молодая самка. Прошла всего неделя, и я уже ходил за ней, как цепной щенок, роняя слюни и подрачивая по углам в собственных штанах, пока она однажды не пришла сама. Она не стала моей первой женщиной, но она стала первой, кто мне многое позволила...

Уже будучи старше, я понял, зачем она у нас появилась. Удивительно, но дед оказался способен дать свою фамилию даже шлюхе, лишь бы удержать меня от беды и лишней мол-

вы. Уже тогда во мне неумейной силой буянила энергия, и Ангела умела ее погасить. Решила рискнуть и сейчас...

— Ярославчик, родной, дорогой, успокойся! — кинулась вперед, обнимая. — Я все для тебя сделаю, слышишь? — заглянула в налитые яростью глаза, прижимаясь тяжелой грудью и опускаясь на колени. — Все! Давно мы с тобой не были. Хочу узнать, какой ты стал. Какой *он* стал! — нашла рукой и жадно погладила крепкий пах. Затеребила ширинку. — Хочу тебя!

Давно? Лет восемь. Как только я набрался ума, и она мне наскучила.

— Нет! Уходи!

— Да, Ярослав! Да! Я тебе нужна! Ты сам не понимаешь, на что способен...

Я и сейчас не хотел ее, но мне необходимо было остановиться, а она знала, как помочь. Как усмирить зверя и выдержать мой напор. Ведь быстро все не закончится, а ласки она не получит, и ее язык уже лизал полосу моей голой кожи, а пальцы расстегивали ремень.

Пошло оно все!

Я рванул за ворот футболку и, сорвав с себя, отбросил прочь. Отпустил дыхание, позволив ему рвано вырываться из горла. Не стал ждать, сам сдернул с бедер джинсы и достал из боксеров налитый кровью член. Провел взмокшей ладонью по крепкому и широкому стволу, как любил делать все-

гда перед тем, как кого-нибудь трахнуть. Другой рукой схватил Анжелку за светлые волосы и толкнул на себя.

– Нужна? Тогда глубже заглатывай, радетельница, иначе пойдешь нахер!

– Ярушка...

Она сама поймала. Обхватила губами и застонала громко и жадно, не стесняясь тишины дома, подстраиваясь под мой размер, как будто я всадил ей член не в горячий рот, а между ног. Задвигала головой, насаживаясь на меня горлом. Быстрее, еще быстрее...

Твою мать! Я закрыл глаза и запрокинул подбородок. Запрыгал протестующе, когда она отпустила член, чтобы хватить воздуха.

– Сейчас, милый! Сейчас я сделаю тебе хорошо! Расставь ноги, вот так...

Пальцы скользнули между ягодиц и коснулись ануса, язык кругом обвел стоящий член. Анжелка провела языком к паху вдоль напряженных вен и принялась расстегивать блузку. Подхватывая губами налитую головку, достала из бюстгалтера большую грудь и стала себя ласкать, призывно поднимая взгляд.

Вот сука... Эта игра была мне хорошо знакома и определенно вела к продолжению. Мы были в доме одни, но это мало что меняло – она знала на что шла. Не в силах ждать, я заставил ее туго меня обхватить, со злостью толкнувшись в рот.

– Давай же! Или ты разучилась?! Так я найду другую!

Нет, не разучилась. Стоя на коленях посреди разбитой го-
стиной, Анжела умело заработала языком и губами, наконец
вырвав из меня болезненный стон не удовольствия, а скорее
облегчения.

– А ты стал больше, Ярослав, во всех смыслах. Я всегда
знала, что лучше тебя нет!

– Заткнись.

– Пожалуйста, милый... – губы вновь облизали член. – Я
хочу... хочу кончить.

– Сама!

– Хорошо, – Анжела послушно кивнула, но не отпустила,
вцепилась в мое бедро жадной рукой, умоляя взглядом. –
Только смотри на меня! Смотри! – выдохнула с мольбой. –
У меня так давно не было мужика...

Она не была девчонкой, но сохранила следы былой при-
влекательности и знала это. Когда-то я не слезал с нее, а ей
все было мало. Она искушала меня вседозволенностью и зре-
лым телом, которым обладали взрослые мужчины. Дарила
удовольствие на грани порока, без стыда обучая искусству
секса. Те времена давно закончились, и сейчас я остался сто-
ять с ней лишь потому, чтобы отдать им дань.

Я схватил Анжелку за волосы и оттянул голову назад. Не
отрываясь смотрел, как она задрала юбку, развела полные
ноги и скользнула между них рукой. Забралась под белье и
погладила себя сначала осторожно, затем быстрее... Зады-

шала громко, глядя на меня и открыв рот со следами спермы.

А-а-а... – прикрыла со стоном глаза и, наклонившись, коснулась языком члена.

Твою мать! Я не мог на нее смотреть, а вот трахать – очень даже.

Рывком поднял ее с колен и, повернув к себе спиной, бросил на диван.

Глава 3

Марина

«Все будет хорошо»

Это были первые слова, которые я услышала от Павла Корнеева, когда он впервые появился у палаты Саши. Тогда я еще надеялась на чудо.

«Все будет хорошо, девочка. Я постараюсь сделать все, чтобы он прожил как можно дольше»

Дольше? Я помню, как встреча с этим незнакомым человеком, похожим на седого ворона, изумила меня. Моему мужу было двадцать лет, еще неделю назад он был здоровым парнем и любил во мне всё, что может любить мужчина в своей женщине. Мы дурачились, смеялись, мы были такими счастливыми... А сейчас он лежал передо мной в глубокой коме, из которой не представлялось возможности его вывести.

Я не могла его разбудить и не могла спасти.

Прожил, как можно дольше?..

Слова мужчины обожгли так же больно, как слова врачей: «К сожалению, мы сделали все возможное, но мы не боги. Ваш муж умер, с такими травмами не выживают, живо только его тело»...

Пока еще живо. Пока работают аппараты жизнеобеспечения в реанимационной палате городской больницы Скорой

помощи. И пока у меня есть деньги эту палату оплатить. А точнее, были деньги...

– Девочка, тебе самой нужен покой. Не плачь, успокойся! Подумай о ребенке. Эй, кто-нибудь! Помогите же ей!

«Вы кто такой? Какая я вам девочка? Кто вас сюда впустил?» – все это, помнится, я выкрикнула в лицо незнакомцу, на которого врачи боялись поднять глаза, не понимая, откуда он здесь взялся, и что от меня хочет. Я видела этого сурового человека первый раз в жизни и вырывалась из его рук, которые не отпускали, а почему-то оплетали меня, как нити липкой паутины.

Павел Юрьевич Корнеев. Мой отец.

Он сдержал слово, и Саша прожил еще месяц. В клинику приехали самые лучшие врачи, подключились известные специалисты, но чуда не произошло. Просто однажды утром все закончилось. А мир остался прежним, таким же шумным, суетливым и равнодушным, словно в нем никогда не было двух влюбленных друг в друга студентов Марины и Саши Томилиных.

Сашки не стало, но благодаря Корнееву я еще целый месяц могла видеть его, гладить любимое лицо и целовать бескровные губы. И вспоминать... Вспоминать снова и снова, как они нежно касались меня, как улыбались и как учились любить. Но главное, я могла надеяться.

А потом наступил провал в памяти на несколько дней. Самые страшных для меня дней, когда я не хотела жить и не

хотела ничего помнить. Когда я потеряла все.

– Слушаю вас, Павел Юрьевич. Так что вы хотели?

Я подняла глаза на своего отца, который за три года пытался, но так и не стал мне ближе. Слишком разными мы с ним оказались людьми и слишком многое я не могла забыть.

Его взгляд держал, но не давил, как на других, оставляя моим лёгким место для вдоха. Но не для свободного дыхания. В этой клетке птичка Марина могла порхать, как ей заблагорассудится. И только.

Он знал, что я это понимала.

– В продолжение нашего разговора, дочка, – сказал хозяин дома с заботой. – Я хотел сообщить тебе, что получил согласие на брак у человека, на котором остановил свой выбор. Только что из этой комнаты вышел твой будущий муж. Свадьба состоится через две недели, и все будет так, как ты хотела.

Да, в этом огромном доме я жила уже три года, но так и не смогла ни к чему привыкнуть. Ни к Корнееву, ни к роскоши, которой он себя окружил, ни к людям. Это был чужой мне мир, я никогда не стремилась к нему, но когда осталась одна, мне ясно дали понять, что не позволят жить самостоятельно.

У моей матери была своя семья – муж и дети. Я всегда чувствовала себя в семье нелюбимой и чужой. Еще ребенком ощущала, как мама отгораживается от меня непонятной обидой и раздражением. Наверное, поэтому, я уединялась и

проводила всё время за книгами. Хорошо училась, понимая, что совсем скоро мне в доме матери и отчима не будет места.

Сашка, по сути, был таким же одиноким мальчишкой, как я. Мы познакомились на первом курсе университета и словно притянулись друг к другу. Его воспитывала бабушка – чудесная женщина. У нее мы и стали жить, когда однажды решили взять и пожениться.

– Я ничего не хотела. Мой брак – целиком ваша затея. Я лишь сказала, что согласна и не хочу громкого мероприятия. Впрочем, вы и так об этом знали.

– Хорошо, пусть будет так. Марина, тебе пора вынырнуть из реки скорби и жить дальше не только одной работой. Так не может продолжаться. Ты молодая, красивая женщина, тебе нужна семья.

– А что нужно вам?

Человек, сидящий передо мной, был соткан из сплава стали и корысти. Пропитан честолюбием, как промокательная бумага чернилами. Я всего лишь спросила прямо.

Он ответил. За несколько лет я успела узнать, что Корнеев часто говорил правду тем, в ком был заинтересован.

– Мне нужен преемник, Марина. Сильный и уверенный человек, которому я смогу доверить то, что создавал своими руками много лет – бизнес, связи, репутацию и влияние. Поверь, дочка, я не хотел сделать хуже. Если из моих рук уйдет власть, в тот же день Корнеевы исчезнут с лица земли.

– Я Томилина, – не смогла смолчать. Это был не первый

раз, когда я упрямо это повторила, и не первый раз, когда получила ответ – твердый и жесткий, который опалил холодом.

– Ты Корнеева! И по крови, и по сути! Тебе нужна защита, и она у тебя будет!

Мы смотрели друг на друга, и отец продолжил – затихая, но не уступая мне. Всего лишь давая ложную надежду на то, что он со мной считается:

– Но давай вернемся к твоему будущему мужу. Хочешь, чтобы я рассказал о нем подробнее? Показал фотографии? Вот в этой папке, – он постучал пальцем, – его полное досье, ты можешь взять и ознакомиться. Узнать, с кем тебе предстоит жить.

– Нет, мне это не интересно.

– И ты не хочешь на него посмотреть со стороны? Дочка, одно твое слово, и ребята задержат Ярослава на выходе из имения. Он даже не узнает! А хочешь, я вас познакомлю?

Я старалась, но не смогла сдержать удивления.

– Павел Юрьевич, я ведь дала согласие, к чему эти разговоры? Я не знаю его, он не знает меня. Вряд ли этот человек рад моему согласию, иначе бы не сидел здесь, сцепив руки в кулаки и подобравшись, словно бойцовский пес перед броском. Если вы думаете, что из вашей затеи получится счастливый брак... – Я выдохнула и постаралась взять себя в руки. – Я в это не верю. Но замуж выйду, как обещала, и вы дадите мне свободу.

Павел Юрьевич встал и посмотрел в окно – туда, где по аллейке его охрана провожала крепкого, высокого мужчину.
– Не я. Насколько твой муж захочет тебе ее дать.

***

В следующие недели работа захватила с головой. Не имея другого выхода для внутренней энергии, я отдавалась ей с желанием и упорством, с которым привыкла подходить к любому делу. Уезжая из дома утром, возвращалась к темному вечеру, проводя много времени в офисе за рабочим столом. Я была программистом и, хочется верить, хорошим, насколько могла судить по тому, что клиенты оставались моими проектами довольны.

В нашей небольшой фирме «Ориентал-Плюс» работали два десятка человек – недостаточно много, чтобы браться за большие и дорогие проекты, но достаточно, чтобы конкурировать на среднем поле и заработать себе на жизнь.

К свадьбе не готовилась. Зачем, если и так все решено, а мое согласие – лишь сухая формальность, после которой, надеюсь, моя жизнь хоть немного изменится и станет свободнее. Я смела думать, что мне удастся договориться с будущим супругом о дистанции, которая подойдет нам обоим. Ведь если нет чувств, то значит нет и привязанности, о которой стоит беспокоиться, не так ли?..

В конце концов, через какое-то время брак можно будет просто расторгнуть. А возможно даже сразу, как только Ни-

не Георгиевне станет лучше, и я смогу уже сама о ней заботиться. А в то, что ей обязательно станет лучше, я заставляла себя верить. Иначе все теряло смысл – моя жизнь с отцом и навязанный брак. Но главное, исчезала нить, которая еще хоть как-то связывала меня со всем логичным и правильным, что существовало в этом мире.

После смерти Саши его бабушка, которая воспитывала внука с пяти лет, перенесла два инсульта, и после последнего, случившегося с ней месяц назад, сейчас находилась в Мюнхенской клинике под неусыпным контролем врачей.

Нет, не благодаря мне. Точнее, лишь отчасти. Благодаря деньгам Павла Корнеева и моему согласию на брак – это отец мне дал понять четко!

Всю заботу о праздничном мероприятии взяла на себя его жена – Ольга Борисовна и, насколько я поняла из нашего с ней разговора, мой будущий муж.

Церемонию решили отметить в одном из дорогих ресторанов города, исключительно в кругу приближенных к Стальному Боссу людей и близкой родни моего жениха. Тихо, дорого и без лишней шумихи.

На последнем действительно настояла я. Все эти люди и так были мне чужими, какую радость я могла разделить с ними, а они со мной? О чем говорить и кого развлекать? Ну уж нет, быстрее бы все закончить и забыть!

Жаль, что факт наличия у Павла Корнеева дочери он решил не скрывать, и обо мне заговорили в городе, чего я

совершенно не хотела. Мои коллеги из компании «Ориентал-плюс» до сих пор не знали, кто мой отец, и меня это устраивало. Я была бы немного счастливее, если бы все так и осталось в дальнейшем. Нет ничего приятного в том, чтобы оказаться довеском к громкому имени и семье, который с выгодой разыгрывают.

– Марина, Макар привез портниху и несколько платьев из бутика – я подобрала их для тебя. Будь добра, подойди в мой кабинет!

Это позвонила Ольга Борисовна, ее голос всегда при разговоре со мной шелестел сухой бумагой и отдавал прохладой – я бы узнала его из тысячи. И да, у нее в имении тоже имелись свои апартаменты – рабочий кабинет, не уступающий по размеру кабинету хозяина. И слуги...

Упс! Помощники на все случаи жизни.

Эта женщина лучше всех в этом доме знала меня и правильно полагала, что я не стану готовиться к свадьбе с иступлением счастливой невесты, собравшейся поразить приглашенных и жениха своей красотой. Все, чем меня наделила природа, было тщательно скрыто под неброской одеждой и припудрено до блеклости моли. Просто, эффективно и необходимо. Прежде всего мне необходимо. Как защита от того, что приносило болезненные воспоминания.

Я не хотела отношений ни с кем и никаких. Я не хотела видеть гордость за себя в глазах Корнеева, видеть в отражении

зеркала свою красавицу-мать, и потакать отцу в игре «Папа-дочь», в которую, надеясь, он скоро наиграется. У него и так хватало игрушек, чтобы любоваться еще одной красивой картинкой. И неважно, что там за начинка и сколько лет я работала над собой. Разве решение о свадьбе не тому доказательство?

Я хотела свободы и своего прошлого, больше ничего.

Покинув свою комнату, пошла по коридору.

Я плохо помню свои первые дни в этом доме. Все было смутно, горько и размыто немymi слезами. Очень похоже на ужасный unreal, в котором я оказалась не по своей воле. Понадобились месяцы, чтобы я смогла прийти в себя, понять, где нахожусь, и слышать, что от меня хотят. Вокруг не было ни родных душ, ни родных стен, ни родных лиц. Только незнакомые люди, которые упрямо твердили, что мое место именно здесь, возле родного отца, и нигде больше!

Смешно. Как будто словом «родной» можно оправдать годы безразличия к судьбе своего ребенка и умаслить совесть. Да и вообще, зачем я ему вдруг понадобилась?

«Зачем» – не знала «до», но поняла «после». Чтобы с моей помощью укрепить свою безраздельную власть в городе. Сдвинув в сторону новообретенную дочь, официально назначить на ее место нужного преемника. Но сейчас не об этом.

Так вот, когда я научилась замечать вокруг себя людей, я

поняла, кто именно ко мне приходил так же часто, как свалившийся на голову «папа» – его супруга Ольга Борисовна. Хотя нет, поначалу все же не так часто, но ко мне женщина отнеслась спокойно. Насколько вообще можно отнестись спокойно к тому, что твой муж привел в дом незаконнорожденную дочь.

Это сложно. Я бы не простила. А она даже разговаривала со мной.

Позже я узнала – Павел Юрьевич мне сам рассказал, что они с Ольгой потеряли единственного сына Кирилла, и что я здесь потому, что в Корнееве проснулся родительский долг. Что, опекая сына всю жизнь, они с женой за ним не усмотрели. Честно признался, что его сын был наркоманом и человеком с гнилой душой. Был неразборчив в связях, как с женщинами, так и с мужчинами. Ничего себе так коктейльчик, правда?.. И добавил, что со мной он такого не допустит.

И снова впору расхохотаться.

Тогда я ответила отцу, что геем точно не стану, зря он об этом беспокоится, а в душу мою пусть не лезет. Его там не было двадцать лет. И что, если не хочешь чего-то допустить, надо прилагать к этому не только желание и деньги, но внимание и любовь.

В общем, мы друг друга поняли. Но все равно съехать из дому мне никто не позволил. Просто не выпустили из ворот и с тех пор сопровождали везде с охраной.

Сначала Ольга Борисовна отнеслась ко мне с терпели-

вой отстраненностью. Держалась холодно, но не свысока, как могла бы держаться с позиции хозяйки дома. А постепенно я стала замечать с ее стороны если не настоящую заботу, то явное внимание ко мне и особое отношение – уж не знаю, чем я смогла его заслужить.

Я не была капризной, ничего не просила, разве что продолжила учебу в университете. Закончила математический факультет с красным дипломом и нашла работу по своему выбору. Ей не на что было злиться в моем случае. Скорее на своего мужа, который привез меня к ней в дом, и у которого в прошлом были любовницы. Но с этим я помочь ей ничем не могла. Зная свою мать, не удивлена. Очень привлекательная женщина в прошлом, она всегда искала место потеплее и посытнее. Как под ее крылом я смогла вырасти совершенно чуждым ее философии человеком – не знаю, но мама поняла это гораздо раньше меня.

Как же я рада была однажды встретить своего солнечного Сашку!

Увы. Сегодня, в свои неполные двадцать четыре года я уже знала, что мир вокруг жесток, циничен и лжив. Что любовь существует, как редкость, в исключительном виде, и не ко всем приходит. Что все остальное, по сути, стоит дешево, и что ничего не постоянно.

Ничего! Вот моя философия.

Я спустилась по широкой лестнице со второго этажа и на-

правилась через высокий холл в левое крыло дома, где жила хозяйка. Возле двери ее кабинета остановилась, наткнувшись на знакомого мне охранника. Я уже давно замечала его в этом доме, он не раз сопровождал меня в поездках в город, и догадалась, что он у Корнеевых на особом счету.

Высокий молодой мужчина лет тридцати, мрачный на вид, с тяжелым взглядом и каменным телом, он отталкивал от себя опасной силой, которая чувствовалась в нем, и чем-то еще, непонятным интересом, который я не могла разглядеть в его глазах. Да и не хотела.

Увидев меня, он и не подумал пошевелиться. Так и стоял перед дверью, рассматривая в упор, а я стояла перед ним, пока Ольга Борисовна не позвала:

– Входи, Марина.

И только тогда отошел.

Странный тип. Жуткий какой-то. Я предпочитала его не замечать.

– Добрый день, Ольга Борисовна. Звали? – обычно так начиналась каждая наша встреча, ничего не изменилось и сегодня.

Я вошла и остановилась. Мачеха, буду называть ее так, была не одна. Вместе с ней в кабинете находилась немолодая незнакомка – надо понимать, та самая портниха, о которой она упомянула. Обе женщины были увлечены разговором и стояли возле передвижного кронштейна для одежды, на котором висели платья – на первый взгляд не меньше дюжины.

– Да, звала, – Ольга Борисовна тонко улыбнулась одними губами. – Подойди сюда, девочка. Хочу тебе кое-что показать.

Я подошла. Поздоровалась с женщиной и посмотрела на мачеху.

– Марина, – она указала рукой на кронштейн. – Я взяла на себя смелость и пригласила Лиду нам помочь. У тебя хорошая фигура, но нет никакого желания это подчеркнуть. Посмотри на эти платья и выбери себе все, что тебе понравится. Свадьба уже послезавтра и дольше с приготовлениями к празднику тянуть нельзя. Мы говорили с тобой неделю назад, но ты до сих пор так себе ничего и не купила. Макар мне сказал, что охране не поступала от тебя просьба посетить магазин, а сама ты никуда не выезжала.

Как будто я могла. На работу и с работы меня всегда сопровождал водитель – кто-нибудь из охраны отца в одном из его личных автомобилей. Нет, конечно же, я могла передвигаться самостоятельно – в дозволенных пределах (слава богу за мной оставили это право). Но когда знаешь, что в нескольких шагах за твоей спиной кто-то есть, не очень-то заведешь друзей и побродишь по городу.

– Зачем, Ольга Борисовна? Вы же знаете, что у меня достаточно одежды. Есть вполне подходящая. Я уверена, что подберу себе что-нибудь. Правда, вам не стоило беспокоиться.

Надо отдать мачехе должное, она умела настоять на своем.

Пойди она со мной в лобовую конфронтацию, я бы скорее всего молча ушла и просто игнорировала ее просьбы, как игнорировала поначалу вообще ее присутствие. А так осталась стоять и смотреть на ее скупую улыбку, которую она дарила не всем.

– Я так не думаю.

Она повернулась и обратилась к портнихе:

– Милочка, вы не могли бы подождать в коридоре? Оставьте нас на минутку, возник спорный момент.

– Да, конечно.

Как только портниха вышла, мачеха подошла ближе. Опустила ладонь на стол, глядя прямо на меня.

За этот молчаливый взгляд, продолжавшийся несколько долгих секунд, я ее сторонилась. Никогда не могла понять, о чем она думает.

– Марина, мне не нужно объяснять, что с тобой происходит. Я знаю о тебе все, даже то, чего ты сама не можешь знать. Понимаю, что ты сейчас чувствуешь, и хочу напомнить, что в этом доме я всегда на твоей стороне. – Тонкая улыбка погасла. – Скажу откровенно, мне было тяжело, когда ты здесь появилась, но однажды я приняла тебя и рада, что не ошиблась.

Даже так? Наверное, стоило прожить на птичьих правах бок о бок три года, чтобы услышать это признание. Однако, что оно по сути меняло? Да ничего.

Я покачала головой.

– Вы не можете меня знать наверняка. Каждый человек – сюрприз с двойным дном, и я не исключение. Не обнадёживайтесь зря. Возможно, я еще успею вас разочаровать.

– А вот это уже оставь мне решать.

Я смолчала, а хозяйка дома продолжила:

– Твоя свадьба для нас с Пашей событие. Хотя ты и думаешь иначе, но поверь, это так! Ты – лицо нашей семьи и будь добра об этом помнить. Вот здесь, – она протянула руку и взяла со стола аккуратный кожаный бокс. Набрав на кодовом замке комбинацию цифр, распахнула его и подвинула ко мне, – мои драгоценности. Серьги, кольца, колье... Все, что имеет хорошую цену. Я давно остыла к этой мишуре, так что смело выбери себе все, что тебе по душе! И платья, Марина. – Мачеха оставила бокс в покое и шагнула к кронштейну. – Здесь нет белых, как ты и просила. Примерь все, я хочу посмотреть, которое из них тебе подойдет. Вся одежда от известных дизайнеров, так что за качество можешь быть спокойна.

– Ольга Борисовна...

Плечи мачехи напряглись, и она резко развернулась.

– Я настаиваю! Помни, что ты – Корнеева! Об этой свадьбе будут говорить в городе, всем рты не заткнешь! Ты хочешь, чтобы нас высмеяли?!

Я покраснела, а может, позеленела – один черт! Как же они с отцом похожи!

Она явно хотела сказать, и я услышала: «Ты не принадле-

жишь себе. Хватит нам перечить. Точка!»

Кожу на висках стянуло от тихого гнева. Губы едва разомкнулись, но получилось ответить достаточно четко, чтобы меня услышали:

– Хотите продать меня задорого, да? Решили, у вас получится?

Но встретив холодный и спокойный взгляд, поняла: да, у них получится, пусть мне и хотелось во всем ошибиться. От бессилия упрямо повторила в сотый раз:

– Я – Томилина!

– Это ненадолго, Марина, – уже спокойнее ответила мате́ха, но ее вердикт все равно больно задел гордость. – И поверь, я не злорадствую, а жалею тебя, – сухо добавила она. – Пора идти дальше, девочка, а не жить воспоминаниями и кибер-миром. Все проходит и у всего есть свой срок, даже у горя! Я это знаю не понаслышке.

Пусть мы и не были с ней близки, но кое-что нас роднило. И это «кое-что», отразившееся в ее светло-карих глазах, не позволило мне просто уйти.

– Я не умею играть, Ольга Борисовна. Как бы вы меня ни нарядили, мое лицо все выдаст. Уверена, что лицо жениха тоже покажет, как он рад свадьбе. Если он, конечно, не притворщик. Пожалуйста, дайте мне просто быть собой. А дальше... Думаю, вы с Павлом Юрьевичем получите преемника, которого хотите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.